

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1979.1.06>

Sven Lundkvist. *Folkrörelserna i det svenska samhället 1850—1920*. *Studia Historica Upsaliensia*, 85. Uppsala, 1977. 244 s.

По инициативе Государственного совета по гуманитарным наукам (Statens humanistiska forskningsråd) в начале 1965 г. был создан исследовательский проект «Функции классового общества: народные движения 1850—1920 гг.» Выполнение проекта было возложено на несколько учреждений, в том числе, и на Институт истории при Уппсальском университете. Работой руководили Карл Йоран Андре (Carl Göran Andrae) и Свен Лундквист (Sven Lundkvist). Главной их целью было осветить возникновение и роль трех народных движений: сектантского движения (väckelsegörelsen), движения трезвенников и рабочего движения. Исследование должно было дать структурный анализ не только народных движений, но и всего общества в целом, охарактеризовать социальную среду, в которой эти движения возникли и развивались, выявить их мобилизующее значение и функции в общественном развитии. Выполнение проекта осуществлялось путем проведения целого ряда монографических исследований, общие результаты которых подытожил С. Лундквист в книге «Народные движения в Швеции в 1850—1920 гг.»

Автор данной монографии исходит из следующих предпосылок: 1) господствующие внутренние и внешние условия общественной жизни играли важную роль при формировании идеологий народных движений; 2) возникновение народных движений, их развитие происходило во взаимодействии между ними и обществом в целом.

Эти, близкие к исторически-материалистическому пониманию истории принципы сочетаются в методологическом плане с современными позитивистскими теориями, которые самым последовательным образом представлены в трудах Н. Д. Смелсера и Ч. Тилли. Общественное развитие, в понимании Н. Д. Смелсера, стремится путем усложнения и специализации социальной структуры к преодолению социальных конфликтов, к некоему устойчивому состоянию. После консолидации новой структу-

ры она постепенно окостеневает и начинает в дальнейшем развитии вызывать новые конфликты как несоответствующая новым социальным потребностям. Противоположную точку зрения представляет теория общественного развития Ч. Тилли. В ней социальные конфликты не являются каким-то ненормальным, нарушающим общественное равновесие феноменом, а, наоборот, составляют необходимую, неотделимую часть развития. В основе такого понимания лежит т. н. теория употребления ресурсов (resource management, resursanvändning), согласно которой общественные классы и группы постоянно борются за материальные и нематериальные ресурсы, так как они имеют расходящиеся, часто противоположные интересы и цели. К этому, достаточно четко сформулированному методологическому арсеналу следует добавить еще один, не названный прямо, но, тем не менее, существенный принцип, повсеместность которого легко прослеживается. Этот принцип — плюрализм: общественное развитие происходит вследствие взаимодействия множества качественно равнозначных сил. Таким образом, С. Лундквист считает, что рабочее движение, различные сектантские организации и движение воздержания равным образом воздействовали на преобразование сословного аграрного общества в современную индустриальную Швецию. Подведя все это под общий социальный знаменатель — движения протеста (с. 55), количественное распределение которых, по мнению автора, в начале 20-х годов нынешнего столетия было примерно одинаковым (в целом 830 000 человек), он в своих предпосылках имеет весьма убедительное обоснование преследуемой им цели.

Исследование состоит из двух частей: в первой изучается социальная структура, во второй — функции народных движений. Опустим количественные результаты первой части, отметив только, что в ней автор оперирует понятиями профессиональной — классовой структуры. Приводятся также данные по социальной эко-

логии, распределению народных движений в зависимости от характера социальной среды. Делается вывод, что все три вида народных движений имели в общих чертах одинаковую социальную структуру, основу их составляли квалифицированные, стремящиеся продвинуться в жизни слои рабочего класса или низшие слои среднего класса (с. 128). Отмечается, что членство в свободной церкви было гораздо постояннее, чем членство в профсоюзах или в организациях трезвенников. Это давало сектантскому движению большие возможности в развитии общества на длительное время. Одновременно подчеркиваются преимущества и возможности движения воздержания как раз из-за высокого уровня оборота в членстве (с. 129).

Вторая часть исследования рассматривает функции народных движений в обществе. Отделив явные, известные всем цели от целей народных движений, проявляющихся в ходе исторического развития в скрытых формах, автор концентрирует свое основное внимание на последних (с. 135). Исследуя взаимодействие между старым обществом и появляющимися массовыми движениями, автор видит функции последних на трех разных уровнях: слом старого общества, приспособление (так как народные движения действуют в рамках старого общества и вынуждены считаться с ним) и создание нового общества (идеалы, институты, авторитеты, нормы, организационные формы) в борьбе за право на жизнь.

Изучение всех этих проблем позволяет автору пролить свет на часто упоминаемую особенность общественной жизни современной Швеции, а именно — на пресловутые «умеренность» и «спокойствие» политической жизни страны. Обычно они объясняются демократическими традициями, особенностями социально-политического строя, длительным периодом мира, особенностями государственно-монополистического регулирования и т. д. Однако все это, — скорее, формы проявления или результаты «умеренности», нежели ее причины. Изучение народных движений позволило ответить более конкретно на вопрос, почему именно диалог, а не конфронтация был нормальной формой взаимоотношений между классами. В ответе (с. 199—212) указывается, что осо-

бенно в движении сектантов и трезвенников были представлены разные социальные группы, которые сотрудничали ради провозглашенных целей соответствующего движения. К тому же, во всех разновидностях рассматриваемых движений сложились сходные организационные формы и процедуры, а членство их частично совпадало. Когда примерно в 1890 г. стали проявляться первые признаки социального напряжения в рамках народных движений, тогда выяснилась и вся важность совместного социального опыта, воспитания в духе совместных действий, сходной организационной и процедурной практики в духе мирного урегулирования конфликтов. В результате этого сложилось широкое взаимопонимание, переходящее классовые границы (с. 207), что впоследствии имело и воздействие на формирование социал-демократической политики. Движения сектантов и трезвенников создали политические формы, которые основывались на диалоге, а не на насилии (*väldet*). Мы видим воздействие этого сотрудничества на рабочее движение, на воспитание части его руководства в этом же духе в местных условиях, что проявляется также на общегосударственном уровне (с. 212).

Таким образом, исследование выявило, как «коллективный протест, ломая формы общежития и разрушая старое общество, увенчивается успехом. Это имело сильный эффект в обществе и у его отдельных членов. Но одного социального протеста не хватало для членов народных движений, которые стремились идентифицировать себя с обществом, приобрести в нем господствующее положение» (с. 191).

Такие выводы звучат весьма убедительно, зная в какое русло повернул главный поток социал-демократического движения в Швеции впоследствии.

Сведя концы с концами в теоретическом плане, автор добавляет, что это был естественный процесс, так как созданные ресурсы должны были либо потеряться, либо использоваться в новых целях в будущем.

Вышеизложенное позволяет судить, насколько современная буржуазная наука склонна искать причины общественного развития в социальном механизме общества. Сознвая всю важность социальных конфликтов, движущую силу их развития,

она, тем не менее, отвергает концепцию, согласно которой производственные отношения и борьба классов составляют главную линию этого развития и от них зависят социальные отношения в других сферах общественной деятельности.

В рассматриваемом труде скрупулезный социальный анализ служит для параллельного рассмотрения трех, на первый взгляд, независимых народных движений. Автор называет свою методологию социологически-функциональной (с. 215). Это в значительной степени обуславливает то, что вне его внимания остаются такие аспекты идеологии, политики и т. п. народных движений, которые не служат определенным целям предвзятой функциональной схемы. Но учитывая это, нельзя забывать и то, что влияние марксистской мысли на буржуазную науку не следует искать в открытом ее перенятии, оно выражается в более завуалированных формах. Порой зарубежная историческая наука предла-

гает довольно близкие к марксистской науке идеи не только в чуждом методологическом контексте, но и в чуждом традициям советской историографии терминологическом обличии.

Помимо обстоятельств методологического порядка, следует отметить еще и то обстоятельство, что методика рассматриваемого исследования заключается не во всеобъемлющем охвате, а состоит из типологизации, отбора, выборочного контроля и обобщения («En fullständig kartläggning av den lokala utvecklingen i hela landet var inte möjligt» — с. 29). Это вряд ли поколеблет достигнутые результаты исследования, а, наоборот, есть надежда, что дальнейшее исследование в локальном плане поможет уточнить, детализировать созданную картину. В целом, работа ставит ряд важных проблем и заслуживает внимания советских специалистов, занимающихся социальной историей.

T. BAPPAK

ÜLEVAATEID

NÕUKOGUDE JA SOOME ARHEOLOOGIDE SÜMPOOSION HELSINGIS

Nõukogude ja soome arheoloogide koostööle rajati kindlam alus 1970. aastal, kui NSV Liidu ja Soome teaduslik-tehnilise koostöö komisjoni juurde moodustati mõlema osapoole esindajaist tööriühm koostöö arendamiseks arheoloogia valdkonnas. Tööriühm koostas põhiliste probleemide loetelu, kusjuures eriti olulisteks peeti järgmisi: 1. kammkeraamikakultuuride uurimine, 2. mesoliitiliste ja neoliitiliste kultuuride kronoloogia ning nende vastastikune suhe Soomes ja Karjalas, 3. läänemeresoomlaste kujunemine varasel rauaajal, 4. laplaste kujunemine, 5. Ida-Euroopa soome-ugri hõimud. Selliselt piiritleti uuritavad ainevaldkonnad tööriühma koosolekul 1972. aastal.

15.—17. novembrini 1976 peeti Leningradis nõukogude ja soome arheoloogide esimene ühine sümpoosion teemal «Ida-

Euroopa ja Soome soome-ugri ja slaavi hõimud keskajal». Osavõtjaid oli sadakond. Nõukogude Liidu arheoloogidest oli enamik Leningradist ja Moskvast, peale selle kolm Tallinnast, üks Riist ja üks Petrozavodskist. Soome delegatsioon oli kuueliikmeline. Kuulati ära 15 ettekannet, ekskursioonidel tutvuti Oreški ja Novgorodi muististega. Ühtlasi toimus tööriühma teine koosolek, kus koostati teadusliku koostöö plaan aastaiks 1977—1981. Otsustati jätkata ülalootetud probleemide uurimist, korraldada kaks sümpoosioni (1978. aastal Helsingis ja 1980. aastal Leningradis), vahetada vastastikku teadlasi jne.

Koostööplaani kohaselt leidiski 16.—23. maini 1978 Helsingis Hanasaare rootsi-soome kultuurikeskuses aset NSV Liidu ja Soome arheoloogide teine sümpoosion teemal «Läänemere piirkonna rahvaste ja